

Я погружаю руки в волны счастья. Аполлинер

ВЕРЮ в первое впечатление, в приязнь и неприязнь, любовь и нелюбовь – с первого взгляда: рано или поздно, но в основном подтвердится то, что бросилось в глаза сразу.

Александр Вампилов... Мы познакомились в 1966 году, когда он учился на Высших литературных курсах. Я увидела совсем юного человека, темноглазого, с неизъяснимо притягательной полуулыбкой. Он был красив и в литдрамвещании Всесоюзного радио, где я работала, уже получил с подачи журналистки Аллы Ласкиной прозвище Бэмби. Однако в красоте его не было приторности. В нем сквозил насмешливый ум и в то же время угадывалась сложная, глубинная натура, при этом он как-то обходился без ореола непонятности, был естествен и приятен в общении. Владеющий, как то единодушно признают позже наши видные режиссеры и драматурги, самым загадочным письмом на свете – сценическим, редчайшим “чувством театра”, он – это отмечали все, знавшие его – обладал по крайней мере еще одним не менее загадочным и редким даром – человеческим обаянием. Оно обволакивало. Противиться ему было невозможно. Да и зачем?

ОКОНЧИВ курсы, он нередко бывал в Москве. Он почти никогда не приезжал один, а со своими земляками, молодыми писателями Геннадием Машкиным, Валентином Распутиным, Дмитрием Сергеевым, Вячеславом Шугаевым... Вдвоем, втроем. Бывало, они появлялись и все вместе.

Легендарная “иркутская стенка”! Скрепленная молодостью, талантом, “узами товарищества”, скольким людям служила она опорой! Каждый, кого судьба сводила с иркутянами, познал то истинное счастье, когда тебя понимают – не залезая в душу, не задавая лишних вопросов, принимают таким, какой ты есть. Вампилов в “иркутской стенке” занимал, как оказалось, то самое место, удар по которому был способен разрушить ее всю. И – разрушил. Но это случилось потом. А тогда... Они прилетали – и начиналась жизнь!

Дела их в Москве складывались поразному. У Саши, пожалуй, хуже всех. Легко сказать: при бесконечных переговорах, “утрациях” и “уточнениях”, даже если учесть его неподатливость, – за семь лет ни одной столичной премьеры! (Первая, “Прощание в июне”, в Театре имени Станиславского, состоялась месяца через два после его гибели.) Впору взвыть от бессильной ярости. Но он не предавался унынию и никогда не держался отъединенно.

Короля играет свита, каждому из нас “подыгрывает” наше окружение. Образ Вампилова в моей памяти был бы неполон не только без “иркутской стенки”, но и без многих людей, с которыми его сблизилась московская жизнь, занятие театром. Без Елены Леонидовны Якушкиной, завлита Театра имени Ермоловой, его гида по запутанным и коварным лабиринтам Министрства культуры и театральных кулис. Без молодого режиссера Сандро Товстоногова, поставившего первый вампиловский спектакль в Москве, и его младшего брата Николы, тогда только входившего в мир театра. Без журналиста Эдуарда Борисова и его тезки Кочергина, как теперь принято говорить, сценографа

некоторых вампиловских спектаклей. Без поэта Николая Котенко и прозаика Игоря Минутко, без Петра Пеницы, тогда еще студента, и других обитателей литинститутского общежития, в котором Саша когда-то жил, а затем иногда останавливался. Сама судьба как бы позаботилась о том, чтобы при жизни Саша получил признание людей, в искусстве понимающих, хотя некоторые из них имели возможность лишь читать его пьесы.

В сообществе этом не водилось лакейского “встречают по одежке”, и случалось, к Саше льнул разный люд, особенно когда он “гусарил” в ЦДЛ. Его упрекали в неразборчивости (разумеется, потом),

БЫВАЛЬЩИНА

Лиана ПОЛУХИНА

Вот я весь перед вами...

вспыхивал спор о границах доброты и всеядности. Он незлобиво отшучивался. Споров не любил и если принимал в них участие, то остроумными репликами, брошенными на чью-либо чашу весов. Бывало, на мою. Горячась, я отмахивалась.

– Я расстилаю тебе под ноги ковер, Ляля, а ты его скатываешь. Я – раскатываю, а ты – скатываешь! – рассмеялся он однажды.

В нем была мужская самостоятельность мысли и редкая для современных мужчин черта – необходимая снисходительность, миролюбие, умение помочь другому пережить поражение как ничью или даже победу... По поводу его “всеядности” не стоило ударяться в пафос: Саша просто-напросто никому не мог отказать в месте за столом – в еде, надо понимать.

Как-то Вампилов и Машкин загрипповали. Я приехала в общежитие навестить их. Был кто-то еще. Болезнь шла на убыль, время – к обеду. Всю компанию одолевал молодой здоровый голод. Отлучившийся за куриной лапшой на кухню, Саша долго, однако, не возвращался. Он появился на пороге с кастрюлей и каким-то человеком. Гость явно смущался. По лицу Саши ничего нельзя было понять: как всегда, он улыбался. Посоветовал приналежечку на закуску...

Позже я узнала от Машкина: незнакомец был похититель их курицы. Дорогая пропаша была обнаружена Сашей по прибитым на кухню. Вскоре – и простодушный воришка: по четкому пунктиру капель бульона. Кадр следовал за кадром – Гена умел рассказывать. Вытянутое лицо Саши над кастрюлей. Саша берет след. Стучится в дверь. Немая сцена в комнате. Напльвом – курица в дрожжащих руках. Крупным планом – алчный взгляд... Конец истории известен. “Другой бы зарезал!” – следовала в заключение фраза из популярного в те годы анекдота.

О Н БЫЛ ДОБР, но вовсе не “блаженнейший”. Однажды рассказал о молодой паре: спортсмене и его красавице жене. Будучи в гостях, она вела себя с явным вызовом по отношению к мужу: отпускала в его адрес колкости, кокетничала с другими... Время от времени коротким движением головы в сторону двери муж вызывал ее. Возвращались быстро. Она – чуть побледневшая, с покрасневшими глазами. Он – с непроницаемым лицом. И все начиналось сначала.

– Знаешь, что происходило в коридоре? – Выдержав паузу, Саша произнес с расстановкой: – Он молча наносил ей удар по печени!

Московские встречи с Александром Вампиловым

Чем-то восхищала его эта история.

В тот раз я почему-то завела разговор о прототипах. Он отмахнулся: “И ты туда же!” На мои догадки отвечал неохотно. Он изображал не конкретного человека, а явление, порой только оттолкнувшись от детали в поведении, черты характера, подмеченных им, однако очень тонко и точно. Вот иные считают героя “Полетов во сне и наяву”, сыгранного О. Янковским, открытием авторов фильма. А по сути, характер этот, тип поведения первым явил зрителю в образе Зилова из “Утиной охоты” Вампилов.

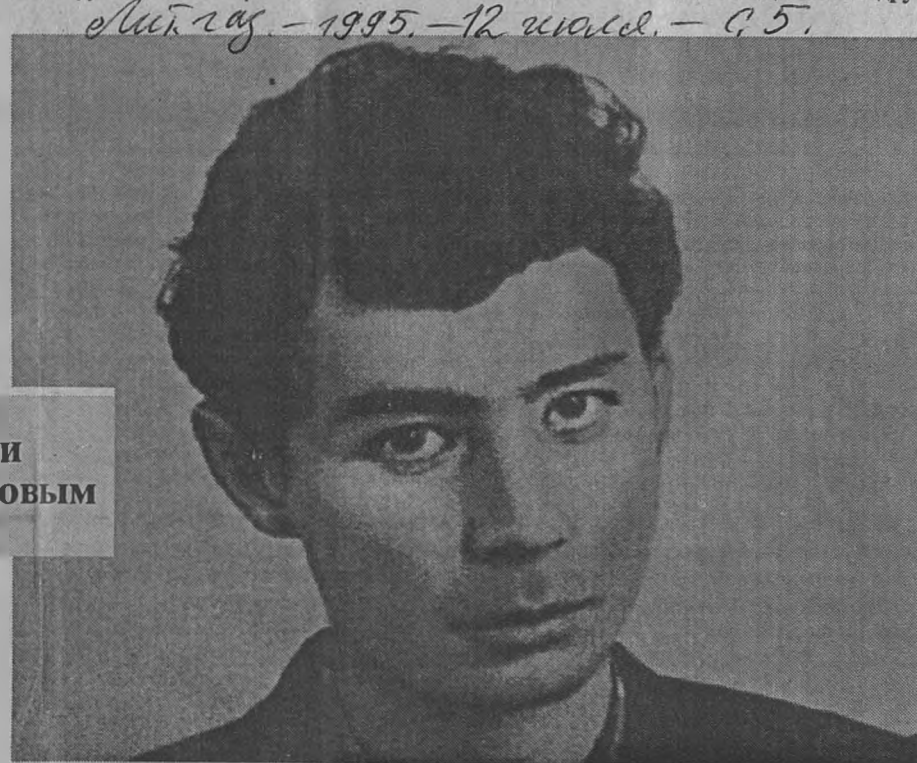
Однажды не без робости дала Саше почитать гороскопы – для родившихся под разными знаками Зодиака: тогда они были в диковинку, а интерес к астрологии осмеивался и осуждался.

– Ведь это замечательно! – воскликнул он. – Менделеевская таблица человеческих типов. Можно определить для себя приблизительно: Козерог, Скорпион. Или Водолей, Стрелец... А какие ремарки отличные: “Все в мире, даже хорошее, он стремится улучшить, усовершенствовать”. “Полон благодарности, вечно незавершенной”. Или вот: “О нем думают хуже, чем он есть на самом деле. Его благородным порывам не верят”...

Самому Саше, на мой взгляд, больше подходило не созвездие Льва, под которым он родился, а – Блиźнецов, пушкинское. Многие наводило на эту мысль: живость и изящество его ума, “качество” таланта и обаяния, вся его повадка, стиль общения, дружелюбность.

С ним никогда не было скучно, каж-

дый мог вести себя при нем на свой лад. Моя тетя Паша, няня маленького сына Антона, по ее выражению, “сорт в людях понимающая”, особенно выделяла иркутян. Обожала потчевать их собственной снecдь, огорчаясь, что всегда приносили с собой магазинное. За столом сидели долго, как в праздник, было весело, не обходилось без того, чтобы кого-нибудь не разыграли. Если няню – интригу вел Саша. Его артистический дар был несомненен, и бедная женщина попадала на удочку... Потом заметит подвох, засмеется, по-деревенски прикрывая рот ладошкой: навел на грех, да и поднял на смех! Когда Саша пел под гитару, в нем появлялось что-то цыгански влекущее, хотя пел он в совсем иной манере, видимо, сказывался этот бурятский ген в крови.

...“Тетя Паша, ты Сашу помнишь?” – спросила я, не зная, как сообщить ей жуткую весть, когда он утонул – “Няужлишь: из себя белокурый, волос черный”.

Светлый человек, значит...

ИЗВЕСТНО: в творческой среде друг познается чаще не в беде, а в радости – многим не под силу пережить успех ближнего. Ревность к удаче другого, зависть – то, что называется страхом сравнения, абсолютно не было свойственно Саше. Мог сказать о ком-то, того заслуживающем: “Страшно талантливый!” Свои дела не ладили, а он охотно ходил на прогоны, генералки, премьеры своих коллег. Запомнился прогон спектакля “Два товарища” В. Войновича в Театре имени Маяковского (в котором его собственная пьеса так и не пошла). Глядя на сцену, они с Войновичем тихо переговаривались.

У него был абсолютный вкус, как бывает абсолютный слух. Он был чуток к малейшей фальши, пошлости, не выносил штампов, вообще ничего ожидаемого, лежащего на поверхности. Однажды в Ермоловском на репетиции “Старшего сына” игравший Сильву актер, убегающий со сцены, воскликнул, очевидно, чтобы заполнить паузу: “Иду искать по све-

ту!”... Сдержанный Саня аж глаза прикрыл.

Стихи знал тоже не хрестоматийные, необкатанные. Вслух их не читал: поэзия жила у него внутри, иногда прорываясь строчками – то лирическими, то грустно-ироничными. Задумчиво произнесет рубцовское: “Все было веселым вначале, все стало печальным в конце”. А то вдруг блеснет Аполлинером: “Вот я весь перед вами, исполненный здравого смысла, знающий жизнь и все то, что живые могут о смерти узнать...”.

Чем-чем, а здравого смысла исполнен не был. Прояви он гибкость, то самое “позорное благоразумие” – и обосновался бы в Москве, в которой драматургу с его именем, конечно, и следовало жить. Но пойди он на это – и в столице жил бы дру-

и, как водится, талант этот добавлял ему истинно мужского обаяния. Рыбак, отлично разделял рыбу. Знал секрет приготовления мясных блюд. А уж какие пельмени получались при его содействии!.. Многие прощали людям. Но – покупные пельмени? Вот из-за чего можно было лишиться его расположения.

ПЬЕСЫ Вампилова шли по стране, он был известен за границей, а Москва все набивала себе цену. Я поехала в Ленинград – посмотреть в областном театре драмы и комедии на Литейном “Свидание в предместье” (“Старший сын”), поставленное молодым режиссером Е. Падве. Мне посчастливилось услышать мнение об этом спектакле Георгия Александровича Товстоногова на заседании Ленинградского отделения ВТО. Вампилов, сказал он, талант безусловный, талант зрелый. Е. Падве не надо было дотягивать драматургию, и молодой режиссер направил свою энергию на зрелищную изобразительность, что вообще является симптомом детской болезни режиссуры... Начинается спектакль как будто о Паганини – в такой вот метафоре, уводящей от сути, была опасность, что “гарнир съест зайца”: изобразительность уничтожит человеческую сторону драматургии. К счастью, этого не случилось.

Человечность... Великий режиссер проник в самую сердцевину вампиловской драматургии. Вспомнилось, и как сам Вампилов относился к формалистическим новациям. В каком-то театре действие его пьесы по замыслу режиссера происходило на поверхности огромного глобуса, как бы на “куске” планеты. Саша терпеливо смотрел, как актеры в нелепых позах, баллажируя, произносили текст, после чего с облегчением скатывались за кулисы, и под конец сказал единственное: “Одичали...”

В начале семьдесят второго Вампилов жил то в Москве, то в Ленинграде: на Малой сцене БДТ готовилась и в марте состоялась премьера “Двух анекдотов”, велись переговоры с театром “Современник”, шли репетиции в Ермоловском и имени Станиславского. В Иркутск улетал 23 мая. В этот день мы обедали в ЦДЛ. О своих делах, хороших ли, плохих, он говорить не любил и завел речь обо мне, о моем недавнем переходе в “Литературную газету”. Переход этот он категорически не одобрял по той простой причине, что это газета. Молох, считал он. Особенно при моей “китайской добросовестности”. Он вообще считал, что если женщина должна работать, то уж, конечно, не до изнеможения, а для гражданской бодрости, чтоб не заглотить талант и ради смягчения нравов и украшения трудового коллектива. И уж во всяком случае ее деловые достоинства не измерял в лошадиных силах. А потому любая чувствовала себя в его присутствии настоящей женщиной – достойной поклонения, защищенной.

По пути в “Современник”, где он хотел попрощаться со своими новыми друзьями, он подвез меня на Цветной бульвар. Мы вышли из машины. Он еще не остыл. Скептическим взглядом окинул здание редакции. Весенний, почти летний ветерок растрепал его волосы. Он выглядел как студент, будто и не было шести лет нашего знакомства. Вдохнул: “Эх, ты, радио-Ляля...” Я сказала примирительно: “Считай, что в газету меня распределили. Почти как в “Прощании в июне”...”

А это и было прощание.